

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ИДИОМАТИЧНОСТЬ В ИТАЛЬЯНСКИХ ПЕРЕВОДАХ «ГЕРОЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

За последние шестьдесят лет в Италии появилось более десяти переводов романа Лермонтова «Герой нашего времени». Эти переводы можно рассматривать как корпус параллельных текстов, позволяющий изучать как стандартные лексические и синтаксические соответствия между двумя языками, так и те случаи, которые допускают множественные решения. Такие решения часто бывают обусловлены межъязыковой идиоматичностью, под которой мы понимаем естественное употребление языкового средства в речи, то есть выбор наиболее адекватной единицы из множества возможных синонимичных языковых средств. Разделить уровни речи предложил В.Г. Гак, выделявший «индивидуальную речь», не поддающуюся строгому описанию, и «норму речи» или «коллективный узус», закономерности которого могут быть выявлены путем измерения относительной употребительности языковых единиц (см. [Гак 1998: 554 и след.]). Проблема выбора языковых единиц в речи в последнее время все чаще становится объектом исследования в итальянистике. В недавно изданной грамматике известного итальянского лингвиста М. Пранди частью описания стала «грамматика выбора» (*una grammatica delle opzioni*), противопоставляемая автором «грамматике правил» (*una grammatica delle regole*). Сферой действия грамматики выбора являются сложное предложение и текст [Prandi 2006].

Выбор в процессе перевода, который можно рассматривать как «особый случай межъязыкового перифразирования» [Иорданская, Мельчук 1998: 129], разумеется, не может быть полностью свободным, поскольку переводчик, передавая определенную ситуацию средствами родного языка, часто находится под влиянием подлинника. Вместе с тем, этот выбор, как правило, отвечает одному из двух возможных подходов: максимально приблизиться к «букве» оригинала, передавая особенности его формы, не боясь создать у читателя ощущение «странности» текста, либо – приспособить оригинал

к нормам языка перевода, стремясь максимально адекватно передать смысл оригинала [Добровольский 2007: 328].

Отметим, что все рассматриваемые переводы выполнены в рамках коммуникативного подхода, то есть нацелены прежде всего на донесение до читателя содержания произведения. Вместе с тем переводы отличаются по своей технике. Так, если говорить только о двух последних по времени работах, легко заметить, что П. Нори явно следует «стратегии формы» (термин О.Д. Добровольского), копируя, где это возможно, синтаксис оригинала, тогда как авторы перевода Гардзонио-Гори уже во вступительном слове заявляют об отказе от «филологического педантизма» (*pedantesco filologismo*) в пользу легко читающегося модернизированного текста. При столь разных установках переводчиков особый интерес представляют регулярные расхождения между оригиналом и переводами, прежде всего в тех случаях, когда норма языка перевода, казалось бы, вполне допускает точное воспроизведение оригинала.

Ниже мы рассмотрим лишь одну из «проблемных зон», в которых наблюдаются значимые для построения текста различия. На формальном уровне речь идет о соединении двух клауз С1 и С2, а на уровне семантического представления – об описании двух процессов, связанных различными логико-семантическими отношениями.

Роман Лермонтова стилистически неоднороден, и явления, о которых пойдет речь, характерны для той его части, которую условно можно назвать «пушкинской» [Виноградов 1941: 81]. Отмечая влияние прозы Пушкина на язык «Героя нашего времени», исследователи отмечают «лаконичность, точность в употреблении слова, отсутствие метафор, преобладание простых предложений» [Перельмуттер 1941: 346]. Язык романа Лермонтова ориентирован на устную разговорную речь [Вакурова 2011: 12–20], логические связи в нем часто не выражаются формально, но опираются на устраненные повествователем, лишь подразумеваемые смысловые звенья, благодаря которым становится возможным соединение разных фрагментов текста. Эти особенности, характерные для речевых норм русского языка, отличаются от норм, принятых в итальянском [Govorukho 2001]. Итальянский текст в целом характеризуется большей слитностью предикативных центров, и при переводе с русского языка на итальянский наблюдается переход на более высокий уровень синтаксической связности. Остановимся кратко на наиболее характерных трансформациях.

1. Бессоюзное сочинение в русском тексте часто заменяется в переводе на союзное. Ср.:

(1) *Вчера я приехал в Пятигорск, нанял квартиру на краю города...*

[*Ieri sono arrivato a Pjatigòrsk,*] *ed ho preso alloggio in una casa nell'immediate vicinanze della città...* (Donnini)¹ <...> *e ho preso in affitto un appartamento ai margini della città...* (De Dominicis Jorio) <...> *e ho preso in affitto un appartamento alla periferia della città...* (Bruzzone) <...>, *e ho affittato un appartamento nella periferia della città...* (Pera) <...> *e ho preso in affitto un appartamento in periferia...* (Avirovič)

<...>, *Ø ho affittato un appartamento all'estremità della città...* (Terzi Pizzorno) <...>, *Ø presi a pigione un appartamento ai limiti della città...* (Cometti) <...>, *Ø ho affittato un appartamento al limite della città...* (Nadai) <...>, *Ø ho preso in affitto un alloggio al margine della città...* (Nori) <...>. *Ho affittato un appartamento al limite estremo della città...* (Garzonio-Gori)

В пяти случаях (Доннини, Де Доминичис, Бруццоне, Авирович, Пера) в итальянском тексте появляется сочинительный союз *-e-* ('*u*'). О повторе синтаксической структуры оригинала можно говорить лишь в четырех случаях, поскольку в переводе Гардзоньо-Гори отсутствие союза связано с трансформацией сложного предложения в два простых. Тенденция к выбору союзного сочинения усиливается в контекстах, где между С1 и С2 существуют причинно-следственные отношения. Ср.:

(2) *«Ты видел, – отвечала она, – ты донесешь!»*

«Tu hai visto e farai la spia!» mi rispose. (Terzi Pizzorno) *«Tu hai visto tutto, – mi rispose, – e farai la spia!»* (Cometti) *«Tu ci hai visti» rispose lei «e sono sicura che andrai a raccontarlo!»* (Bruzzone) – *Ci hai visti e ci denuncerai!* – *rispose lei.* (Avirovič) *«Ci hai visti e ci denuncerai!» mi rispose.* (Pera) *«Ci hai visto, – rispose, – e ci denuncerai!»* (Garzonio-Gori)

– *Tu hai veduto – mi rispose – Ø tu ci vuoi denunciare.* (Donnini) *«Tu hai visto,» mi rispose, «Ø tu ci denunzierai...»* (De Dominicis Jorio) *«Tu hai visto», rispose, «Ø tu ci denuncerai».* (Nadai) *«Tu hai visto», rispose, «Ø tu farai la spia!»* (Nori)

Представляется, что подобная замена бессоюзия на сочинение идет вразрез с эстетическими установками автора романа. Т.А. Вакулова, проанализировав эволюцию стиля Лермонтова, убедительно показала, что наиболее распространенным типом сложного

¹ Примеры даются в сокращении. В случае совпадения вариантов приводится лишь один с указанием фамилий переводчиков.

предложения в романе является именно бессоюзное предложение: его доля составляет 33,9% [Вакурова 2011: 14].

В следующем примере синтаксический параллелизм лермонтовского текста нарушается не только сочинительным союзом, но и инверсией в С1 (*выстрел раздался* → *раздался выстрел*) во всех примерах, кроме перевода Доннини, а также в четырех случаях – субъектно-объектной трансформацией ‘дым наполнил комнату’ → ‘комната наполнилась дымом’ (Кометти, Де Доминичис, Авирович, Гарзонио-Гори). Ср.:

(3) *Выстрел раздался – дым наполнил комнату.*

...*Echeggìo uno sparo e il fumo riempì la stanza.* (Terzi Pizzorno) ...*Risuonò un colpo e la stanza si riempì di fumo.* (De Dominicis Jorio) ...*Risuonò uno sparo, e il fumo riempì la stanza.* (Bruzzone) *Echeggìo uno sparo e la stanza si riempì di fumo.* (Avirovič) ...*Riecheggìo uno sparo e il fumo riempì la stanza.* (Pera)

...*Lo sparo echeggìo, Ø il fumo riempì la stanza.* (Donnini) ...*Rimbombò il colpo, Ø la camera si riempì di fumo* (Cometti) ...*Risuonò uno sparo, Ø il fumo riempì la stanza.* (Nadai) ...*Rintronò uno sparo, Ø la camera si riempì di fumo.* (Garzonio-Gori) ...*Echeggìo uno sparo; Ø il fumo riempì la stanza...* (Nori)

2. Определенные различия в оригинале и переводах наблюдаются при выражении временных отношений, когда речь идет о следующих друг за другом событиях, представляющих собой последовательные «этапы» в развитии действия, часто взаимоисключающие – в том смысле, что наступление следующего этапа предполагает прекращение предыдущего. В русском тексте отношения такого рода, как правило, оформляются не бессоюзно, а с помощью сочинительного союза *и* (ср.: *он помолчал и продолжал, сани подъехали и остановились*). В итальянском тексте наблюдается тенденция кодирования подобных отношений с помощью показателей временной последовательности, более «нагруженных» семантически. Ср.:

(4) *Я ответил, что меня беспокоят мухи, – и мы оба замолчали.*

Risposi che a me davano noia le mosche. Entrambi tacemmo. (Garzonio-Gori) *Risposi che mi davano fastidio le mosche, e restammo tutti e due in silenzio.* (Pera) *Io ho risposto che mi davan fastidio le mosche, ed entrambi abbiamo taciuto.* (Nadai) *Gli risposi che le mosche mi davano fastidio, poi tacemmo ambedue.* (Cometti) *Ho risposto che le mosche mi davano fastidio, poi siamo rimasti in silenzio.* (Avirovič) *Io risposi che le mosche mi davano un gran fastidio, e poi restammo zitti tutti e due.* (Donnini) *Gli risposi che*

le mosche mi infastidivano, e poi tacemmo entrambi. (De Dominicis) *Gli ho risposto che le mosche mi davano fastidio, e poi abbiamo entrambi taciuto.* (Nori) *Gli ho risposto che ero infastidito alle mosche, dopo di che entrambi abbiamo taciuto.* (Terzi Pizzorno) *Ho risposto che le mosche mi molestavano, dopo di che siamo rimasti entrambi in silenzio.* (Bruzzone)

Сочинительный союз *e* воспроизводится лишь в двух переводах (Пера, Надай). В переводе Гардзонио-Гори устранение союза связано с трансформацией сложного предложения в два простых. В двух случаях (Кометти, Авирович) вместо союза выбрано временное наречие *poi*, лексически выражающее идею последовательности. В трех переводах (Доннини, Де Доминичис, Норри) сочинительный союз и временное наречие присутствуют вместе. Наконец, в двух случаях (Терци Пиццорно, Бруццоне) выбирается сложное союзное выражение *'dopo di che'*.

3. В том случае, когда С1 и С2 связаны анафорическими отношениями, содержанием которых является референциальное тождество, в двух языках часто наблюдаются разные принципы кодирования этих двух ситуаций. Так, двум отдельно утверждаемым предложениям русского текста регулярно соответствует итальянское сложное предложение с аппозитивным относительным придаточным. Ср.:

(5) *Эта мысль поразила доктора, и он развеселился.*

Questa mia idea colpì il dottore, che subito si rasserenò (Donnini) / *si rallegrò* (Pera). *Questo pensiero / riflessione colpì il dottore che si rasserenò* (Garzonio-Gori), (Avirovič). *Questo pensiero colpì il dottore, che si fece più allegro* (Nadai) / *più gaio* (De Dominicis Jorio). *Questo pensiero ha colpito / colpì il dottore, che è tornato di buon umore* (Nori) / *ritornò di buonumore* (Bruzzone). *Questo pensiero colpì il dottore, e parve rasserenarlo* (Cometti) *Quell'idea lo colpì; si rasserenò tutto* (Terzi Pizzorno).

Во всех переводах меняется оригинальная структура русской фразы при формальной допустимости её точного воспроизведения. В переводе Терци Пиццорно относительное придаточное невозможно из-за отсутствия в С1 полнозначного имени-вершины релятивизации, при этом вместо союзного сочинения выбирается бессоюзие. Сочинительный союз *'и'* есть только в переводе Кометти, однако здесь, в результате субъектно-объектной трансформации в С2 с вынесением каузатора в позицию подлежащего (букв.: *мысль поразила доктора и, кажется, развеселила его*), сохраняется кореферентность

первых актантов в клаузах С1 и С2, то есть возникает конструкция, весьма далекая от оригинала. В восьми остальных переводах мы наблюдаем замену паратаксиса поверхностным гипотаксисом. Характерно, что при этом сочинительная конструкция в русском тексте позволяют рассматривать С2 как самостоятельную ситуацию, связанную с С1 отношениями следствия, тогда как в итальянском тексте при поверхностном подчинении с помощью относительного местоимения *che* или его падежных вариантов следствие кодируется как свойство объекта.

4. При наличии двух не совпадающих во времени ситуаций С1 и С2, контролируемых одним Агенсом, ситуация С2 может быть представлена как реальный или как потенциальный результат ситуации С1. Когда два события разведены во времени, то есть отношение между ними можно охарактеризовать как следование, в итальянском тексте наблюдается модель кодирования отношений как целевых, тогда как в русском тексте – как отношений следования. В плане прошедшего времени в русском тексте при отсутствии целевого коннектора говорящий просто фиксирует некоторое положение вещей.

(6) *Мало-помалу и все ее покинули и присоединились к моему кружку.*

A poco a poco tutti la lasciarono per essere del nostro crocchio / per unirsi al mio capannello / per unirsi al mio gruppo. (Donnini), (Pera), (Garzonio-Gori)

Poco a poco tutti l'hanno abbandonata / se ne allontanarono per far cerchio attorno a me / per unirsi al mio piccolo crocchio / per unirsi al mio gruppetto / per riunirsi al mio gruppo. (Terzi Pizzorno), (Avirovič), (Nori), (De Dominicis Jorio), (Cometti)

A poco a poco tutti l'hanno abbandonata e si sono uniti alla mia cerchia. (Nadai)

Un po' alla volta hanno finito tutti per abbandonarla, unendosi al mio gruppetto. (Bruzzone)

Целевая обусловленность в итальянском тексте предполагает гипотетичность ситуации, намеченной к осуществлению, предикативный центр придаточной части представлен инфинитивом, информация о том, достигнут ли желаемый результат, извлекается из контекста. В русском тексте при выборе отношений следования обе пропозиции имеют ассертивный статус, при этом устраняется (или выражается лексически) интенциональная составляющая,

как признак субъекта пропозиции. Частотной итальянской модели кодирования целевых отношений 'C1 per C2' в русском тексте соответствуют две модели: представленная выше 'C1 и C2', а также 'C1, C2'. Выбор той или иной модели определяется общими когнитивными стратегиями выбора союзной/бессоюзной связи. Ср.:

(7) *Офицеры собирались друг у друга поочередно, Ø по вечерам играли в карты.*

Gli ufficiali usavano radunarsi a turno (la sera), gli uni presso gli altri (ora dall'uno, ora dall'altro), per giocare a carte la sera. (Donnini), (Pera)

Gli ufficiali la sera si radunavano (si trovavano) ora dall'uno ora dall'altro a turno per giocare a carte. (Terzi Pizzorno), (Avirovič)

Gli ufficiali si radunavano/ si riunivano a turno in casa l'uno dell'altro (a volte da uno a volte dall'altro), e passavano le serate giocando a carte / e la sera giocavano a carte. (Garzonio-Gori), (Nori), (De Dominicis Jorio), (Cometti), (Bruzzzone)

Gli ufficiali si trovavano dall'uno o dall'altro a turno, Ø la sera si giocava alle carte. (Nadai)

Как и в предыдущем примере, лишь в переводе Надай повторяется оригинал. В пяти случаях бессоюзие русского текста заменяется на союзное сочинение, а в четырех примерах – на инфинитивную конструкцию с целевым значением. Таким образом, при наличии субъекта целесообразной деятельности итальянский текст чаще эксплицирует логическую (в данном случае – целевую) составляющую, в то время как в русском тексте она лишь подразумевается.

5. Любопытную иллюстрацию экспликации в итальянском языке целевой семантики, связанной с субъектом-Агенсом, дает следующий пример, где предметный актанта оригинального текста заменяется в пяти переводах на слабое зависимое в виде обстоятельства цели:

(8) *Монета взвилась и упала, звеня; все бросились к ней.*

[La moneta volò in aria e ricadde a terra risonando]; tutti si slanciarono per vedere. (Donnini) <...> *Tutti accorsero per vedere.* (Avirovič) <...> *tutti si precipitarono per vedere.* (Garzonio-Gori) <...> *Tutti si precipitarono a guardare.* (Terzi Pizzorno) <...> *tutti si lanciarono a guardare.* (Cometti) <...> *tutti vi si precipitarono sopra.* (De Dominicis Jorio) <...> *tutti si precipitarono su di essa.* (Nadai) <...> *tutti vi si lanciarono sopra* (Bruzzzone) <...> *si sono tutti slanciati verso di lei.* (Pera) <...> *si lanciarono tutti su di essa.* (Nori)

В итальянских примерах целевая пропозиция включает перцептивный глагол с подразумеваемым объектом. Подобная экспликация перцептивного модуса также весьма характерна для итальянского текста [Говорухо 2009]. В русском тексте Экспериенцер часто находится за кадром либо занимает периферийную синтаксическую позицию, тогда как в итальянском его присутствие часто позволяет сохранять в двух смежных предложениях кореферентность и гомогенное синтаксическое оформление первых актантов, что также является тенденцией речевого узуса, обеспечивающей когезию итальянского текста. Ср.:

(9) *Сегодня я встал поздно; прихожу к колодезю – никого уже нет.*

[*Oggi mi sono alzato tardi*]; *sono andato alla sorgente e non vi ho trovato nessuno.* (Donnini) <...> *giunto al pozzo, non vi trovai nessuno.* (Cometti) <...> *Alla fonte non ho trovato nessuno.* (Terzi Pizzorno) <...> *sono andato alla fonte e non c'era già più nessuno.* (Nadai) <...> *Andai alla fonte ma non c'era nessuno.* (De Dominicis Jorio) <...> *arrivo al pozzo e non c'è più nessuno.* (Pera) <...> *sono andato alla fonte, Ø non c'era più nessuno.* (Nori) <...>; *sono andato / arrivato alla fonte / sorgente, ma non c'era più nessuno* (Avirovič), (Garzonio-Gori) <...> *e quando sono arrivato alla fonte non c'era più nessuno.* (Bruzzone)

В русском оригинале два когнитивно сопряженных события связаны бессоюзно. Эта конструкция сохраняется лишь в переводе Нори. В трех наиболее хронологически ранних переводах (Доннини, Кометти, Терци Пиццорно) в С2 вводится перцептивный глагол *trovare*. При этом в переводе Доннини присутствует и сочинительный союз, образуя усложненное предложение с однородными сказуемыми, тогда как в двух других переводах С1 редуцирована – до причастного оборота у Кометти и до обстоятельства у Терци Пиццорно. В пяти случаях сохраняется структура оригинала с некореферентными подлежащими в С1 и С2, но в качестве элемента когезии дополнительно вводятся сочинительные союзы *e* ('и') и *ma* ('но'). Наконец, в переводе Бруццоне С1 преобразована в придаточное времени, и вместо бессоюзной конструкции оригинала мы видим сложноподчиненное предложение.

6. Предикаты модуса перцепции могут выполнять в итальянском тексте строевую функцию, присоединяя пропозициональные актанты. Так, в следующем оригинальном примере можно наблюдать характерное для русского текста свободное присоединение внутреннего вопроса как актанта глагола *attendere*, у которого имеется

перспективное значение состояния, ориентированного на будущие события и включающего сему 'цель'. Ср.:

(10) [– ... *Не лучше ли нам поскорей убраться?*] – *Да погодите, чем кончится.*

<...> – *Aspettate un po', che voglio vedere la fine...* (Donnini)
 <...> **Vediamo** prima come va a finire. (Terzi Pizzorno) <...> *Aspettate, vorrei vedere come andrà a finire.* (Cometti) <...> *Aspettate ... vediamo come finirà.* (De Dominicis Jorio) <...> *Aspettate, voglio vedere come andrà a finire.* (Nadai) <...> *Aspettate di vedere come finisce.* (Bruzzone)
 <...> *Ma no, vediamo come va a finire.* (Pera) <...> *Chissà come andrà a finire.* (Avirovič) <...> *Ma vediamo come va a finire.* (Garzonio) <...> *Abbia pazienza, vediamo come finisce.* (Nori)

Трансформации наблюдаются во всех десяти переводах. В девяти случаях появляется глагол *vedere*, указывающий на субъекта-Экспериенцера; в пяти примерах это оба участника диалога: *vediamo* (Терци Пиццорно, Де Доминичис, Пера, Гардзонио-Гори, Нори), в трех случаях это один говорящий: *voglio / vorrei vedere* (Доннини, Кометти, Надай). В некоторых переводах редуцируется часть С1: до нуля у Терци Пиццорно, до противительного союза у Гардзонио-Гори, либо союза с показателем полярности у Перы. В переводе Авирович первая часть также устранена, а в роли вводящего элемента вместо *vedere* выступает модальный предикат *chissà*.

7. Для итальянского текста характерно фокусирование на первом лице, своеобразная «Я-центричность». Часто в этой связи итальянские переводчики «переключают» точку зрения со второго лица на первое, даже когда в тексте для этого нет никаких формальных причин, то есть язык-цель вполне допускает «буквальный» перевод. Ср.:

(11) [– ... *Пойдем скорее. – Да куда же?*] – *Дорогой узнаешь.*

[– *Andiamo, presto! Ma dove?*] – *Te lo diremo camminando* (Donnini)
 <...> – *Te lo diremo per strada...* (De Dominicis Jorio) <...> – *Ti spieghiamo per strada.* (Avirovič) – <...> – *Te lo diremo per la strada.* (Terzi Pizzorno) (Garzonio) <...> – *Te lo diremo strada facendo.* (Nadai)

<...> – *Lo saprai strada facendo.* (Cometti) <...> – *Lo saprai per strada.* (Bruzzone) <...> – *Lo sauprai strada facendo.* (Pera) <...> – *Lo saprai per la strada.* (Nori)

Лишь в четырех переводах (Кометти, Бруццоне, Пера, Нори) сохранена оригинальная конструкция с нулевым подлежащим 2 л. ед. ч.,

тогда как в шести случаях референция переключена на первое лицо. В этом можно видеть проявление существующей в итальянском тексте тенденции к гомогенному с точки зрения референции оформлению соседних клауз, к своеобразному сохранению фокуса эмпатии, когда совместное первое лицо («мы») побудительного наклонения в С1 приглашает к совместному действию говорящего и адресата и индусирует предикат в С2: *(noi) andiamo – (noi) diremo / spieghiamo*.

Итак, в каждом из рассмотренных языков при передаче одного и того же содержания действуют разные приоритетные коммуникативные стратегии, равноценные элементы смысла получают разное формальное выражение в соответствии с узуально закрепленными особенностями кодирования определенных смыслов и общими принципами организации текста. В итальянском тексте преобладает гипотаксис, его элементы иерархически организованы, тогда как в русском они чаще имеют равноправный статус, предпочтение отдается паратаксису. Представляется, что несовпадения в речевом узусе итальянского и русского языков, на первый взгляд представленные внешне разрозненными явлениями, не являются случайными. Комплексный анализ подобных различий может служить основой для структурно-типологической характеристики каждого языка, поскольку показатель частотности различных элементов системы, который мы получаем только из данных ее реализации, является не просто количественным показателем речевой избирательности, но и качественным признаком самой системы.

ЛИТЕРАТУРА

- Вакурова 2011 – *Вакурова Т.И.* Размер предложения в поэзии и прозе М.Ю. Лермонтова. Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. СПб., 2011.
- Виноградов 1941 – *Виноградов В.В.* Стиль прозы М.Ю. Лермонтова // Литературное наследство. М., 1941. Т. 43–44.
- Гак 1998 – *Гак В.Г.* Языковые преобразования. М., 1998.
- Говорухо 2009 – *Говорухо Р.А.* Особенности выражения субъекта перцепции в итальянском и русском языках // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков (периодический сборник статей) / <http://iling-ran.ru/> М., 2009.
- Добровольский 2007 – *Добровольский Д.О.* Еще раз о непереводе в переводе (на материале романа Ф.М. Достоевского «Идиот») // Язык и действительность: Сборник научных трудов памяти В.Г. Гака. М., 2007.
- Иорданская, Мельчук 2007 – *Иорданская Л.Н., Мельчук И.А.* Смысл и сочетаемость в словаре. М., 2007.

- Перельмуттер 1941 – *Перельмуттер Л.Б.* Язык прозы М.Ю. Лермонтова // Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова: Исследования и материалы. Сб. 1. М., 1941.
- Govorukho 2001 – *Govorukho R.* Sintassi e pragmatica nella coesione testuale in italiano e in russo // Studi di grammatica italiana. Firenze: Accademia della Crusca, 2001.
- Prandi 2006 – *Prandi M.* Le regole e le scelte. Torino, 2006.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ПЕРЕВОДОВ РОМАНА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

- Donnini – Michail Jurjevič Lermontov. La principessa Ligovskaja. A cura di G. Donnini. Edizioni Casini – Firenze-Roma, 1965. P. 19–163 (1 ed. 1950).
- Terzi Pizzorno – Michail J. Lermontov. Un eroe del nostro tempo. Traduzione di Clara Terzi Pizzorno. BUR, Milano, 1996 (1 ed. 1950).
- Cometti – Michail J. Lermontov. Un eroe del nostro tempo. Trad. dal testo originale russo a cura di Paola Cometti. Unione tipografico-editrice torinese, Torino, 1953.
- De Dominicis Jorio – Michail Jurevič Lermontov. Un eroe del nostro tempo. Traduzione di Giacinta De Dominicis Jorio. Garzanti Editore, 1977.
- Nadai – Michail Jur'evič Lermontov. Un eroe del nostro tempo e altre prose. Introduzione e traduzione di Liugi Vittorio Nadai. Garzanti Editore, Milano, 1997 (1 ed. 1992).
- Bruzzone – Michail Jure'vič Lermontov. Un eroe del nostro tempo. Traduzione di Elisabetta Bruzzone. Arnoldo Mondadori Editore, Milano, 1994.
- Pera – Michail Lermontov. Un eroe del nostro tempo. Traduzione e introduzione di Pia Pera. Oscar Mondadori, 2009 (1 ed. 1996).
- Avirovič – Michail Jurevič Lermontov. Герой нашего времени. Un eroe del nostro tempo. A cura di Ljiljana Avirovič. «Einaudi», 1998.
- Garzonio-Gori – Michail J. Lermontov. Un eroe del nostro tempo. Traduzione di Stefano Garzonio e Francesca Gori. La biblioteca di Repubblica, 2004.
- Nori – Michail J. Lermontov. Un eroe dei nostri tempi. Traduzione e cura di Paolo Nori. «Feltrinelli», 2004.